

Об этом надо вспомнить...

...Незабываемый 1941 год. Эшелоны с детьми следуют с запада на восток. Матери полны тревоги. Они отпускают детей в неизвестность. Что будет с ними? Кто позаботится о них? Кто скажет им ласковое, теплое слово?

В далеком Казахстане, в сибирских городах, на берегах Волги дети нашли новый дом для себя, обрели тепло и ласку. Сейчас многие из них вернулись обратно в родные гнезда. Но пережитое живо встает в памяти. Вспомним, как это было.

Дождливый осенний день. Весь берег у волжской пристани Сокольская загружен подводами. Здесь много детей. Это школьники, эвакуированные из столицы. Колхозники прислали за ними лошадей, чтобы перевезти в село Ковернино Горьковской области, где создается для московских школьников интернат. Жизнь сотен детей вручена теперь Елизавете Семеновне Хорохординой, директору одной из московских школ.

Обоз трогается. Елизавета Семеновна устраивается в середине его, чтобы в пути видеть всех своих детей. Но подводы быстро растягиваются по дороге. Трудно охватить их взглядом. Вот несколько подвод направилось в сторону видневшейся невдалеке деревни. Елизавета Семеновна тормозит возчика:

— Куда их увозят? Куда? Ведь просила еще на пристани, чтобы не растягивались. Гоните лошадь быстрее. Давайте их перехватим.

Но возчику непонятно волнение седока. Он невозмутим.

— Чтобы не растягиваться, это никак невозможно. — говорит колхозник. — Лошадь лошади рознь. Одна идет скоро, а другую как вот мою, убей, а она быстрее не пойдет.

Не дослушав возчика, Елизавета Семеновна сырывает с телеги и по вязкому чернозему бросается влгонку за передними подводами «Ведь это мои дети, мои...» — твердит она. Двербагат до лошадей, залерживая их. Но теперь пропал уже хвост обоза. Где он? Разыскивать его нет сил. Да и мрак ночи окутал всю окрестность. До места первой стоянки добралось 30 подвод. Где остальные?

Не обращая внимания на осенний пронизывающий дождь, до рассвета ходила по улице села Елизавета Семеновна, прислушиваясь, не заскрипит ли где подвода.

Забрезжил рассвет. Кончился дождь. Из-под горки одна за другой показались подводы. Не прошло и четверти часа, как дети наперебой рассказывали директору интерната о том, как чудесно они провели ночь. Оказалось, что колхозники попутных деревень еще на пристани решили завезти к себе московских школьников и хорошо их угостить.

В Ковернино к приезду детей всё готовили. В лучшем здании были оборудованы и обставлены общежития. Над этим потрудились все жители Ковернина — колхозники, рабочие, служащие и учащиеся.

Началась новая жизнь на новом месте. Много труда, энергии, упорства положили воспитатели интерната — московские учителя, чтобы отыскать пути к сердцу каждого ребенка, не дать грустить детям по дому, заставить их подчиняться правилам коллективного общежития, разъяснить непонятное.

В первый же школьный день произошло событие, которое взволновало и воспитателей интерната и учителей Ковернинской школы. Некоторые из московских школьников, никогда не слышавшие окаяшего «горьковского» говора, стали на уроках смеяться над этим. Это обидело ковернинских ребят, и между «гостями» и «хозяевами» сразу же возникла какая-то отчужденность. Надо было быстро побороть ее. Но как? Просто наказать виновных? Такая мера могла бы только ухудшить, а не улучшить положение. Надо было объяснить детям то, что, видимо, было не понятно ими.

Воспитатели исподволь, ненавязчиво, задушевно и красочно рассказывали детям о просторах родины, о народах, ее насе-

ляющих, о том, что и в огромной нашей Российской республике в ряде местностей свои наречия, свои бытовые привычки, обычаи и что всё это надо уважать. «Вот этому местному нижегородскому говору, — объясняли детям воспитатели, — всю жизнь не изменял великий писатель Максим Горький. Он родился в этих краях, и его именем названа вся область».

Такие беседы сделали свое дело. Воспитанникам интерната стало ясно, что они поступали неправильно, смеясь над речью своих новых товарищей.

Были среди детей и эгоисты и маленькие стяжатели. Они обязательно хотели забрать себе всё лучшее, забывая о товарищах, они прятали под подушки свои вещи.

Шаг за шагом воспитатели и учителя вытравляли из сознания детей эти качества.

Они говорили детям:

— Мы теперь все живем вместе, и не должно быть так, чтобы одним было хорошо, другим — хуже. Помните, как колхозники, совсем незнакомые нам люди, завозили вас к себе, в свои дома. Помните, как заботились они о том, чтобы вы отдохнули, как делились с вами всем, что имели, чтобы угостить с дороги. А сколько труда потратили местные люди, чтобы приготовить для вас, «чужих» детей, этот интернат. Почему же вы прячете свои вещи от товарищей, с которыми живете вместе? Ведь не делали же вы этого дома, в своей семье.

В тесном, творческом контакте действовали интернат и школа, чтобы прививать детям лучшие качества. В первое время нередко собирались вместе работники интерната и педагоги школы и горячо обсуждали жгучие вопросы воспитания.

Трудно было в первые дни избавить детей от тоски по родителям, по домашней обстановке и традициям. «Что делать? Чем унять это детское горе?» — спрашивали себя воспитатели.

Директор Васильсурского интерната Елена Дмитриевна Борисова как-то заметила, что захандрила ее всегда живая и веселая воспитанница Зина Карпеева.

— Признайся мне, Зина, о чем ты грустишь? — спросила ее Елена Дмитриевна. — Может быть, я сумею тебе помочь.

— Нет, не сумею, не сможете.

— Почему бы тебе всё-таки не сказать? Ты мне не доверяешь?

— Доверяю, но не могу сказать. Смеяться будете.

— Зачем же смеяться?

Зина порывисто наклоняется к директору и почти шопотом говорит:

— В воскресенье день моего рождения. Дома это всегда был большой праздник. Мне много всего дарили...

— Очень хорошо, что ты предупредила о своем дне рождения, — сказала Елена Дмитриевна. — В воскресенье мы его отпразднуем.

В день рождения Зины интернат преобразился. Большой зал был украшен цветами. Белоснежными скатертями были застланы столы, полные угощения. Зина сидела на видном месте, среди многочисленных подарков. Ей преподнесли их и товарищи и даже некоторые местные жители. Тут были сладости, книги, альбомы, вышитые девочками носовые платки и много других вещей. А председатель колхоза Василий Иванович Живодеров, так тот еще накануне, в субботу вечером, пришел к директору а, передавая большой бидон, сказал:

— Правление колхоза к именинам вашим несколько килограммов медку выделило. Вы молодцы, что такое придумали. Дело детское. Пусть порадуется, поугощаются.

Тепло, дружно прошли именины. Счастливая улыбка ни на минуту не сходила с лица именинницы. От души веселились все дети. «Как дома, в Москве», — повторяли они.

Много «изобретали» потом еще не раз воспитатели интернатов, чтобы всё больше чувствовали себя здесь дети, «как дома, в Москве».

Обучаясь, школьники одновременно ра-

ботали в хозяйстве своего интерната и в соседних колхозах. Трудясь сами, они проникались всё большим уважением и к труду колхозников и стали понимать цену того, что в таком обилии дарили интернату колхозники «для московских ребят». И воспитатели старались использовать каждый подходящий момент, чтобы поддержать в детях это хорошее чувство.

В школьном московском интернате, находившемся в с. Лысково Горьковской области, был, например, такой случай.

Забываясь об интернате, колхозы отпустили со своих ферм молоко, — каждый ребенок ежедневно получал его по стакану. Но некоторым мальчикам показалось этого мало. Один из них Бася Пикулев однажды обратился к директору интерната М. А. Завельской с таким вопросом:

— Почему это, Мария Александровна, дают нам молока только по стакану? Почему колхозники не принесут столько, сколько мы можем выпить?

— Ты, наверно, думаешь, что они молоко из Волги черпают, — спросила у воспитанника Завельская. Долго беседовала она затем с мальчиком, стараясь объяснить, сколько забот, сколько внимания требует уход за скотом, сколько сил тратят на это колхозницы. Но на этом не закончила директор «переубеждения» мальчика. Когда интернату подарили пару телочек, ухаживать за ними Завельская поставила именно Васю Пикулева, а вместе с ним и других детей, которые имели смутное представление о том, с каким трудом дается колхознику молоко.

Дети полюбили животных, усердно воспитывали их. Летом заготовили для телят на всю зиму сено. Они увидели, что совсем не просто из телки вырастить корову. Мария Александровна Завельская рассказывает, что через полгода нарочно спросила как-то у Васи Пикулева при детях: когда же он начнет интернат поить молоком от своих питомцев? Мальчик на это солидно ответил:

— Телки, Мария Александровна, быстро не растут. Они сумеют давать молоко только года через три. И пусть все интернатские на это молоко не рассчитывают. Его не так уж много будет, я узнавал...

**

Прошли долгие месяцы. И однажды пришла весть о возвращении в Москву.

Шла осень. Овощехранилища интернатов были переполнены, в амбарах хранилось зерно. Многие из всего этого было добыто собственным трудом. Что делать с таким богатством? Начались горячие споры о том, кому подарить всё это. В конце концов все пришли к единодушному решению: надо отдать накопленное детям-сиротам, потерявшим на фронте отцов, и здесь, на обжитых интернатами местах, создать для этих сирот детские дома.

Так и поступили. Было решено просить, чтобы дети фронтовиков приехали сюда хотя бы за один-два дня до отъезда интернатов. Здесь пошли навстречу желаниям московских школьников увидеть собственными глазами тех, кому они отдают свои богатства. Уезжающие воспитанники перебирались в тесные комнаты, представляя прибывающей смене всё лучшее: кровати, диваны, чашки, ложки... Со стыдом вспоминали, как некоторые в первое время свои ложки прятали под подушки. Теперь они искренне, с радостью отдавали другим добра на многие тысячи.

Глубокие перемены произошли в воспитанниках интернатов, возвратившихся из эвакуации. Они повзрослели, выросли и физически и духовно. Дисциплина, деловитость, отзывчивость — вот качества, которые многие из них приобрели за эти трудные дни. Одни школьники продолжают теперь учиться, другие пошли на производство, третьи — уже в рядах Красной Армии.

Отшумят грозные годы войны, вновь расцветет каждый уголок нашей необъятной и чудесной земли. И поколение, выращенное под грохот величайших битв, сторицей оплатит родине и народу за материнскую заботу о нем.

Е. МЕЛЬНИКОВА.